

A. T. ЖАМАНКОЗОВА

ТРАГИЧЕСКОЕ В РАССКАЗАХ КОШКЕ КЕМЕНГЕРУЛЫ

Трагическое, как литературоведческая категория, занимает главенствующую роль в определении уровня развития казахской прозы XX века. XX столетие породило множество трагических ситуаций. Это первая мировая война, революции начала века, раскол мира на капиталистический и социалистический лагеря, голод в Казахстане, сталинские репрессии, культ большинства (попрой неправого), подавление и подчинение идеологии индивидуального (единичного) начала

Казахские художники первой четверти XX века передали в своем творчестве те настроения и мысли, которые владели их умами. Трагическое отражение действительности, трагический конфликт добра и зла, трагические герои, страдающие, одинокие, гибнущие, но верные ценностям морально-нравственного плана, свободе и независимости родного народа становятся объектом национальной литературы, становясь устойчивым типом освещения жизни. Поиск выхода из сложившейся историко-культурной ситуации 20-х годов XX века, дальнейшего развития Казахстана стал предметом обсуждения казахских писателей. Так, М. Жумабаев видел выход в спасении, которое должно прийти с Востока. Он считал, что только Восток может освободить народ от негативных явлений западной культуры, культа чистогана и капитала. Об этом настроении поэта свидетельствуют стихотворения «Огонь», «Пайгамбар», «Туркестан», «Хромой Темир», «Окжетпес» и пр., поэма «Кобыз Койлыбая». Трагическое этого периода понимается как борьба идей: коммунистической идеологии и государственной независимости движения Алаш. Историческая ситуация 1-ой четверти XX века в Казахстане породила трагический круг. Он замкнулся, писатели не видели выхода из сложившихся обстоятельств. Предчувствие трагических потрясений народа, тяжелой судьбы казахского аула заставили казахских художников в своих произведениях раскрыть дисгармонию, дисбаланс окружающей реальности. Трагическое теперь выступает как категория оценки времени и состояния общества. Объявленные повсеместно принципы справедливости и добра нарушились с такой же легкостью, с какой раздавались казахские земли, закрывались нацио-

нальные школы, истреблялось национальное и религиозное в народе. Трагическая «нестыковка» слова и дела породила трагическое идей. В 20-х годах XX века в Казахстане были противопоставлены две идеи: коммунистическая и идея государственной независимости партии Алаш Орда. Относительность победы одной и гибели другой привели к тяжелым страданиям и последствиям в жизни целого народа. Поэтому трагическое в этот период является трагическим мироощущением самих художников, став оценочной категорией времени и состояния литературы и общества в целом.

Историческую ситуацию Казахстана первой четверти XX века достоверно и правдиво изложил Ж.Аймауытов. Насильственный переход к оседлости, раздача земли русскому мужику, угроза потери родного языка, традиций и обычая, появление миссионеров и крестьянских начальников не могли не тревожить писателя. Неутешительные прогнозы будущего родного народа в период правления большевиков, разочарование новым строем и новой властью повлекли за собой появление ряда произведений литературы, в которых писатель отразил трагическую ситуацию и трагическую судьбу этноса. Вот, что он писал: «Қазақтың жерін тілгілеп, келімсек мұжықтарға аударып әпера бастады, тілін бұзуға, дінін бұзуға ауылнай, школ, миссионерлер тартты, әдет-ғұрпын, салт-санасын езгертіп, орысқа бас игізуғе жана закон, мировой судья, крестьянский начальниктер шығарды. Қазақты ішінен тоздыруға сайлау (штат) деген шырға тастап, өзді-өзін жұлыстыруды, қырқыстыруды. Полиция, стражник, урядник, казак-орыстың қамшысы қазак даласын жайлады. Қазақтың бүрынғы елдегі берекесі кетті, партияға кіруге, азуға, тозуға айналды: ұлыққа жағынып, шен алуға, кектескен жауын мұқатуға ел билеген жуандардың аяған құралы болған жок. Өтірік, өсек, шағым, ұрлық-зорлық, айдату, байлату кабындарды. Патшаның оң көзі боламын деген соғылғандар тыңшылыққа жазылып, елдікті, жұрттықты шен-шекпенге сатты. Қазақтың басына туған осындей қара күндерді көзі қаркты азамат көрмеске, сезбеске, қайғырмасқа болмады: көрді, қынжылды, жанға батқан соң ашынды, ұл сезімі ояна бастады.

1905-ші жылғы өзгерістен былай қазақтың қамын ойлаймын деген азаматтар ұлт мұнын сөйлеп, ұлт мәселесін қолға ала бастады» [1, 370].

Следовательно, казахская интеллигенция уже в начале XX века почувствовала трагические для народа перемены в общественной жизни. Эти перемены отразились и в казахской прозе, в которой актуальной становится категория трагического. Трагическое, как форма выражения художественной объективности, как один из способов донести до своих современников трагические последствия насаждаемого нового строя, стало господствующим в культуре и искусстве Казахстана.

Трагическое восприятие и оценка советской действительности нашли свое отражение и в произведениях Кошке Кеменгерұлы. В его рассказах 20-х годов XX столетия трагическое выступает как устойчивый тип воссоздания уродливой действительности, реакция писателя на происходящие перемены в жизни народа, неприятие коллизии общественного и личностного планов, в которой рушились привычные устои и традиции казахов.

Автобиографический рассказ «Тұтқынның ойы» потрясает читателя трагизмом повествования. В небольшом по объему произведении трагическое выступает формой выражения мыслей и чувств автора. Писатель не просто раскрывает трагическое мироощущение, а осмысливает, определяет ценностное содержание человека и его разума в обществе. Для усиления этой идеи автор использует прием контраста, противопоставляя в рассказе два времени – до заключения и тюремное содержание: «Бір кезде ауыздан жалын шашқан, жалаңаш қолмен өткір қылыш жүзін қайырған ерліктің арқасында жер сілкіндіріп, көк тітіреткен ер едім, ұшы-қыйыры жоқ сары дала, жасыл тогай, аскар тау, дертке шипа мөлдір, салқын суға ие едім, байлық, бакыт, шаттық сарайында еркелік құрушы едім.

Енді, міне, қара шанды жамылып, салқын сыздың үстінде сасық, тар, қаранғы, көр абақтыда, жасағанның кен жарық жерінде жүріп, таза ауада еркін дем ала алмай, жан досымды көре алмай, бишара құлдай құнсыз, үнсіз жанды жеп жатырмын» [2, 233]. Трагический конфликт воли, разума и слепой власти, которая уничтожает на своем пути разумное и вечное, порождает трагическое в рассказе. Оно проявляется в осознании:

«Бәрінен де қымбат, алтын басты қорлап тұтқынға алды. Адам деген атымды жоғалтты» [2, 233]. Трагическое в рассказе – это уничтожение, насильственное истребление в человеке достоинства и чести. Власть во всех ее страшных проявлениях, стремящаяся растоптать в людях чувство национальной гордости, осознания каждого индивида ответственности за судьбу народа вступает в конфликт с разумом и волей личности. Человека можно истребить физически, но нельзя уничтожить идею, подорвать дух, внутреннюю веру в справедливость борьбы и выбранного пути. К. Кеменгерұлы, описывая страдания и мучения узника, показывает, вместе с тем, образец мужества и внутренней силы героя рассказа (в данном случае самого себя), величие духа, не сломленного никакими тюрьмами. Трагическое в этой связи поднимается до уровня героического сопротивления, физическая боль не может сломить внутренний стержень политического узника, члена партии Алаш Орда: «Бұл күнде ет, денем ауырса да, шірісе де, от рухым сау, бүтін» [2, 233]. Вера в завтрашний день, независимость и свободу родного народа дали надежду и силу герою рассказа. Автор раскрыл свой внутренний мир, показав читателю, что ради счастья и независимости народа он готов принести в жертву собственную жизнь. Осознание достоинства и гордости нации, неповторимости и самобытности казахского народа как самостоятельного этноса, вера в свободу и независимость казахов, возвращение привычного уклада жизни, сохранения традиций и обычаев лейтмотивом проходят в рассказе. Повествование ведется от первого лица, что создает атмосферу особого доверия. К. Кеменгерұлы раскрывает перед читателем свою ценностную ориентацию, расставляет смысловые акценты, через страдания и боль показывает идею, ради которой стоило жить и принять смерть. Трагическое как оценка происходящего, форма выражения собственных переживаний является основополагающей в понимании всего рассказа.

Доктор филологических наук, профессор А. Ісімақова совершенно справедливо пишет: «...К. Кеменгерұлы заманға мін тағып, заманды кінәлап қана қоймай, оның сүркіялышын, сүм заман екенін айта кетеді. Әдебиетші ретін тауып өзінің замандастарын, Алаш ұлтшылдарын қорғап қана қоймай, өзінің жаңа заманға, оның таптық сойқанына қарсылығын осылай білдіреді.

Алаш әдебиетшісі Ұлт деген сөзден қорықпауға шақырады» [3, 330]. Действительно, изображая страшное время, К. Кеменгерұлы раскрыл его с позиций национального, народной судьбы. Писатель показал трагедию старого аула, навязывание нового строя, сопровождаемое насилием и кровью, насильтвенное уничтожение традиционного уклада жизни. Трагическое в этом контексте – это потеря национальной независимости и свободы. Новая власть, предложившая миру интернационализм, равенство и братство, не дала казахам право самостоятельного выбора исторического пути развития и сохранения языка, литературы, культуры.

Осознание трагических для казахского народа перемен проходит в каждом рассказе К. Кеменгерұлы. Так, в рассказе «Отаршылдық ұсындары» через мироощущение главного героя Жанатая автор показывает перемены в жизни казахов. Для усиления трагического звучания К. Кеменгерұлы вновь использует прием контраста: на фоне больших, уверенно смотрящих светлых домов и церквей сиротливо стоят прижавшиеся друг к другу темные мазанки-домишкі жатаков (оседлых бедных казахов). Станция носит русское имя – станция Преснова, а в скобках автор поясняет нам местонахождение – Кызылжарский уезд. Автор нанизывает друг на друга жестокие сцены, раскрывая несправедливое отношение к казахам: русский урядник избивает казаха, русские дети издеваются над казахским мальчиком и пр. Одинокая грустная песня о трагической доле народа символически усиливает общий трагизм повествования. Жанатай в гневе возвращается домой: казахи бесправны, попраны их достоинство, честь, доминирование одной нации болью отзывается в душе героя: «Өз құқығынды өзін жоктап тендік ала алмайтын болған соң, несіне қазақ болып тудық деп жаратылыспен үрысты.

Терен ойдың жарына тіреліп, қанды саясатын жемісін айқын көріп, Ресейге бодан болған хандарға лағнат айтып, ноқтаға басын тыққан хандар деп түсініп, ашу-ыза кернеп пәтер үйге келді» [4, 235].

Следя за трагическими судьбами людей и целых народов, современный читатель воспринимает их страдания и гибель на фоне своего жизненного опыта. И тем самым поднимается до высот нового восприятия и понимания трагического. В. Е. Хализев в «Теории литературы» так

характеризует этот процесс: «В искусстве последних столетий (в особенности XIX–XX вв.) авторская эмоциональность неповторимо индивидуальна. Но и в ней неизменно присутствуют некие закономерно повторяющиеся начала. В художественных произведениях ...имеют место обладающие устойчивостью «сплавы» обобщений и эмоций, определенные типы освещения жизни» [4, 68]. К таким типам исследователь относит и трагизм (трагическое). И хотя разные мыслители по-своему определяют трагическое, скажем, Г. Н. Поспелов относит трагическое к видам пафоса, В. И. Тюпа называет его «модусом художественности», а большинство считает трагическое эстетической категорией (В. Е. Хализев это констатирует), ученый отмечает: «Подобные эмоции сопряжены с ценностными ориентациями отдельных людей и их групп. Они порождаются этими ориентациями и их воплощают» [4, 68]. Безусловно, ценностные ориентации К. Кеменгерұлы были порождены размышлениими о будущем, судьбе и счастье казахского народа. Трагическое как форма отражения мыслей писателя выступает «определенным типом освещения жизни». К. Кеменгерұлы показал свое время и дал справедливую оценку ему. Этим объясняется, на наш взгляд, трагическое повествование в прозе писателя. Он объективно и беспристрастно показывает историческую ситуацию с позиций народной судьбы. Что дало казахам новое время, революция и новый строй? Как это приняли люди? Что тревожит и беспокоит его современников? Ответы на эти вопросы мы находим в рассказах «Қанды толқын», «Момынтай», «Дүрия», «Ерлік – жүректе», «Қазақ әйелдері», «Жетім қыз».

В рассказе «Қанды толқын» К. Кеменгерұлы раскрывает трагедию семьи в период гражданской войны 1919 года. Старец Сарқынбай потерял единственного сына, убитого солдатами Колчака. Ничем невозможно залечить сердечную рану Сарқынбая, единственная надежда – годовалый внук, сын убитого Тынымжана. Но трагические обстоятельства, словно сговорившись, с новой силой обрушились на аксакала. В собственном доме жестоко изнасилована русскими солдатами сноха Сарқынбая Жайныма, жена убитого Тынымжана. Почему такие страшные беды выпали на долю простой казахской семьи, далекой от политики, идеологической борьбы и интриг?

Почему казахи не могут спокойно встретить и достойно проводить старость? Почему старики вынуждены защищать честь семьи с оружием в руках и погибать насилиственной смертью? Такие мысли навевает рассказ. Трагические обстоятельства оказываются сильнее нравственных норм и ориентиров общества. Зло оказывается сильнее добра. И это составляет общий трагизм жизни. Трагизм всего общества, в котором нарушились нравственные ценности и ориентиры: «Сарқынбай қақ желкеден қара тілмашты салып жіберді. ... Солдат та құлады, Сарқынбай да құлады. Сарқынбай сүйк жерді құшактайды жатып: – Тынымжан, қаныңды ақтадым. Жайныма...! Сен де разысың... Тынымжан!...Қарағым! Мандайынан сүйгізші... Құшактатшы!... дегенде, ак балтаны орактай сілтеген, қайратты, кекті қолы созылып барып, көлкілдеген канға көміліп сылк ете түсті» [5, 237]. Трагическое представлено как смятение, нарушен привычный традиционный уклад, человеческие нормы поведения и мораль, растоптаны нравственные ценности и ориентиры. Страдания героев передаются четко и емко подобранными сравнениями, метафорами, параллелизмами. Например: «Бағы қаралы, жүргег жаралы», «Күмістей сақалын ыстық жаспен жуады», «Бір кезде ботакөз сұлу аталған Жайныма өлімтікке айналды. Толқынды қою қара шаш құйын сокқандай қоқырады. Мәлдір бота көзден нұр кетті, қаймақ ерін дүрдиң қара-қүрен тартты» [5, 237].

Великий казахский художник М. О. Ауэзов заставил весь мир сопереживать сиротам, сиротской доле и бедности. К. Кеменгерұлы также не мог не затронуть тему бедности и сиротства в казахском ауле. Это свидетельствует о величии писательской мысли К. Кеменгерұлы, который раскрывал жизнь со всех сторон. Доктор филологических наук, профессор Д. Қамзабекұлы пишет: «Қошке қаламынан оның өмірінің Ташкент жылдарында «Отаршылдық ұсқындары», «Қанды толқын», «Момынтай», «Ерлік жүректе» «Қазак әйелдері», «Жетім қызы», «Дүрия», «Назиха» тәрізді тумысы ерекше өнгімелер туды. Суреткер К. Кеменгерұлы әріптесі Мұхтар Әуезұлы, Жүсіпбек Аймауытұлы секілді прозада ұлттық нақышты сактай отырып, көркем бейнелеудің биігіне үмтүлды» [6, 15]. В рассказе «Момынтай» автор передает трагическую судьбу мальчика-

сироты, выросшего без отца. Трудное детство, работа в доме бая, побои и наказания, беспросветная жизнь пастуха – такова участь сироты Момынтай: «Әлсіздіктің, корғансызың белгісі көш жолындай тарамданып, тамшыдай домалап түскен жастан көрінді» [7, 244]. Но автор не дает определения, как сложится и какова будет судьба Момынтай, по сути еще ребенка, который, подетски, часто забывшись играет, а после жестоко избивается баєм. Может новое время принесет ему свободу и счастье? Продолжение темы и ответы на поставленные вопросы мы находим в рассказе «Жетім қызы». Автор дает описание 7–8-ми летней девочки, «влюбленно» смотревшей на баурсаки. Точно подобранные детали и сравнения в описании девочки-сироты создают трагический рисунок в рассказе: «Қыздың үстінде сауыншының кіміндегі сауысталған, боршаланған еттей жырымдалған түйе жұн көйлек, басында жабағыдай үйысқан айдар, аяғы шаң-топырактан бұлғарыланып, сүйкітан жарылған ағаштай тілімденіп кеткен. Екі иығы сынып қалғандай салбырап қол терісі қабыршактанып, жапырағы түскен ағаштай құр сүйегі, тарау-тарау тамыры көрінеді. Дарабек іісі ак сабынды көпіртіп беті-қолын кіршік калдырмай жуынып, таза орамалға сүртініп шайға отырды. Қағылған қазықтай бір орнында түрган жас қызы бауырсаққа ғашық болғандай көз айырмай тұра берді» [8, 261]. Герой произведения Дарабек приходит к неутешительным выводам. Автор передает собственные мысли через размышления своего героя. Разочарование новым строем, в котором исчезли черты индивидуального, подчинение сознания культу коллективного, страшный голод 20-х годов подводят к трагической оценке состояния общества. Народ, у которого насилино уничтожаются традиции и обычаи, у которого в начале XX века дети-сироты не знают, что такое сахар, не может быть счастливым. К. Кеменгерұлы писал: «Дарабектің ішкен шайы умен бірдей болды. Дариядай терен, сағымдай бұлдыраған ойдың өрмегіне шырмалды. Адамның ең қасиетті белгісі «меннен» айрылған, мендігін көрсете алмай «біз» -ге қосақталып, шер корқақ болған жас бетеге өмір таңында аруақтай сеніп, аштықтың азабын тартқан, 20-ғасырда қантты көрмеген қазақ даласының терен түкпірінде толып жатыр ғой. Біз көрген жеке бакыттың, тоқ-тықтың құны жеті тынға да түрмайды.

Жалпы бақыт, ортақ өмір керек деген ой желісінде Дарабек байланды» [8, 262].

Таким образом, рассказы 20-х годов XX века К. Кеменгерұлы являются трагическим мироощущением и мировоззрением автора. Трагическое как категория, провозглашающая силу духа, незыблемость идеалов справедливости и добра ценой страдания и смерти главных героев выступает в его творчестве устойчивым типом отражения современной действительности. Оценка К. Кеменгерұлы явлений жизни, выражение определенных ценностных ориентиров и норм сквозь призму трагического восприятия исторической ситуации и общественной среды казахов, дает основание считать трагическое универсальной и развивающей категорией казахской литературы XX века. Где есть трагизм жизни, там больше развивается литература; эту закономерность сознательно подтвердили рассказы яркого представителя казахской интеллигенции и видного члена партии Алаш Орда, врача, писателя и публициста Қошке Кеменгерұлы. В небольших по объему произведениях автор выразил глубокие и значительные по содержанию темы. Образность языка, широкое использование художественно-изобразительных средств раскрывают внутренний мир и трагические коллизии героев рассказов. Трагические мотивы являются тревогой автора за судьбу народа и казахского аула в переходный период 20-х годов XX века. Трагедии старого аула перерастают в трагическую оценку состояния времени и среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аймауытұлы Жүсінбек. Мағжанның ақындығы туралы // Жұмабаев Мағжан. 3 томдық шығармалар. 2-т. Алматы: Білім, 1996. 512 б.
2. Кеменгерұлы Кошке. Тұтқынның ойы // Кеменгерұлы Қошке. Үш томдық шығармалар жинағы. 1-т. Алматы: Алаш, 2005. 320 б.
3. Ісімақова А. Алаш әдебиеттануы. Алматы: Мектеп, 2009. 560 б.
4. Кеменгерұлы Кошке. Отаршылдық ұсындары // Кеменгерұлы Қошке. Үш томдық шығармалар жинағы. 1-т. Алматы: Алаш, 2005. 320 б.
5. Кеменгерұлы Кошке. Қанды толқын // Кеменгерұлы Қошке. Үш томдық шығармалар жинағы. 1-т. Алматы: Алаш, 2005. 320 б.
6. Қамзабекұлы Д. Қошке Кеменгерұлы (1896–1937) // Кеменгерұлы Қошке. Үш томдық шығармалар жинағы. 1-т. Алматы: Алаш, 2005. 320 б.
7. Кеменгерұлы Кошке. Момынтай // Кеменгерұлы Қошке. Үш томдық шығармалар жинағы. 1-т. Алматы: Алаш, 2005. 320 б.
8. Кеменгерұлы Кошке. Жетім қыз // Кеменгерұлы Қошке. Үш томдық шығармалар жинағы. 1-т. Алматы: Алаш, 2005. 320 б.

Резюме

«К. Кеменгерұлы әңгімелеріндегі трагизм» атты макаласында автор К. Кеменгерұлы әңгімелеріндегі трагедиялық орта және ондағы трагедиялық тұлғаларды қарастырады. Осы мақсат үдесінен шығу үшін автор ішкі трагизмін (қасіретін), әңгімелерінің әдеби-көркем құралдарын қарастырады. Автордың трагизм типі мен трагедиялық орта және трагедиялық тұлға туралы аргументтері мен қорытындылары көнілге қонымыды.

Summary

The nature tragic tale opens in article on material K. Kemengerov“s. Tragic time, ambiences, history situation is a merit category in creative activity of the writer. The author reveals its time and change with position tragic мироощущения and world outlooks.